
В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

Л. Е. ГРИНИН

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: ОЧЕРКИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА*

**Лекция 5. ПЕРИОД РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
(конец XIV – начало XVI в.)**

Особенности эпохи и ее исторического сознания. Историческая литература гуманистического направления начинает развиваться во Флоренции с конца XIV в.¹ Гуманистическая историография в Италии представлена именами *Л. Бруни*, *Ф. Бьондо*, *Н. Макиавелли*, *Ф. Гвиччардини* и др. Леонардо Бруни открывает этот ряд историков Италии. Его главное сочинение – «История Флоренции» в XII книгах, доведенная до 1404 г. и написанная на латинском языке. Симптоматично, что в названии уже исчезает слово «хроника» и выступает новый термин – «*historia*».

* Лекции 1, 2 см.: *Философия и общество*. – 2010. – № 1. – С. 167–203; лекции 3, 4 см.: Там же. – № 2. – С. 151–192. Лекции могут быть полезны при преподавании теории и методологии истории, философии истории, истории исторической науки (историографии). В настоящей и последующих лекциях в подстрочник вынесены многочисленные комментарии, которые могут быть полезными для студентов или преподавателей, но необязательны для основной канвы изложения. *Ссылки на произведения, которые приведены в списке рекомендуемой литературы, даются в сокращенном виде.*

¹ Историография была одним из важных, но далеко не самым ярким явлением раннего Возрождения. Главными направлениями его были литература и искусство. Что касается начала эпохи Возрождения, то хотя ее нередко начинают с Данте Алигьери (1265–1321) и его знаменитой «Божественной комедии», однако можно согласиться с Л. М. Брагиной, что более точной представляется позиция исследователей, считающих зачинателем Ренессанса Франческо Петрарку (1304–1374) (см.: *История культуры...* 1999, гл. 1: 20; см. также: Рутенбург, В. И. Истоки итальянского Возрождения // *История Италии*: в 3 т. / под ред. С. Д. Сказкина, Л. А. Котельниковой, В. И. Рутенбурга. – М.: Наука, 1970. – Т. 1. – С. 377).

Термины «гуманизм» и «гуманисты» означали, что именно человек и его земные проблемы встали в центр внимания интеллектуалов. Отсюда и формирование взгляда гуманистов на историю как имеющую большую ценность, поскольку она вооружает жизненной мудростью на примере реальных исторических событий, а не апеллирует к данному на все времена, неизменному авторитету. Такое отношение к истории несколько повышало в глазах историков-гуманистов – по крайней мере, потенциально – ценность исторических фактов. Для них – в сравнении со взглядами средневековой историографии – достоверность исторических знаний в заметно большей (хотя и весьма недостаточной) мере определялась доказательностью фактов, а также возможностью рационального объяснения исторических событий (что способствовало появлению первых критических методов анализа источников).

Положительная оценка гуманистами своего времени, стремление выделить его и показать особенности эпохи по сравнению с предшествующими веками способствовали в конечном счете развитию исторического сознания². **Историческое сознание в период Возрождения характеризуется, с одной стороны, отходом (хотя и неполным) от христианской традиции в трактовке истории, а с другой стороны – стремлением вернуться к античному наследию как к некоему идеалу³.** Отсюда и название эпохи – «Возрождение», или «Ренессанс», так как представители новой культуры – гуманисты расценивали этот период как возврат к античным культурным и духовным ценностям.

² Гуманисты хорошо осознавали особенность своей эпохи и нередко гордились, что живут в особое время. Например, Боккаччо считал свое время новым золотым веком. Как пишет Н. В. Ревякина, «...гуманисты оценили свое время, увидели в нем расцвет наук и искусств, подъем городов. Вместе с Пальмиери они могли бы с гордостью заявить: “...(Всякий) разумный человек признает, что быть рожденным в эти времена, когда выдающиеся искусства ума процветают более, чем за все предшествующее тысячелетие, – привилегия, уступленная Богом”» (Ревякина, Н. В. Колоччо Салютати в споре об античности и современности // *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (исследования и тексты)* / отв. ред. И. В. Кривушин. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2000. – С. 130).

³ В некоторой степени это объяснялось и тем, что политический строй и политическая идеология итальянских государств (аристократических или демократических республик) были близки к античному типу государств. История Фукидида и тем более Тацита была понятна мыслителям Возрождения почти как современникам (слишком много аналогий приходило на ум). Наконец, играл свою роль и тот факт, что Древний Рим и средневековые итальянские государства располагались на одной и той же территории.

Важно отметить, что хотя между периодами *раннего* (конец XIV – начало XVI в.) и *позднего* (XVI в. – начало XVII в.) Возрождения (Ренессанса) и нет резкой грани, все же они сильно отличаются между собой:

а) прежде всего географически. Раннее Возрождение – в первую очередь итальянский феномен, со всеми политическими и социальными особенностями итальянской жизни (внутренними конфликтами в республиках и бесконечными войнами, интригами и военными вторжениями европейских государств); позднее Возрождение – уже западноевропейский феномен;

б) по главному содержанию каждой из этих исторических эпох. XVI в. – это век Реформации (и контрреформации) в Европе, что резко усилило идеологическую составляющую истории⁴;

в) в плане подходов к истории; XVI в. – время разрыва с авторитетами не только церкви, но уже и античности на базе подъема веры в новую науку.

Но у Возрождения было немало общего и со Средневековьем.

Общие черты теории, методологии истории и историографии Возрождения и Средних веков:

а) взгляд на историю как на интеллектуальное занятие, призванное влиять на читателей путем нужных примеров и рассуждений (впрочем, это было характерно и для более поздних эпох);

б) отсюда произвольный подбор примеров и недостаточное уважение к точности фактов, например, подобно античным историкам, историки Возрождения вкладывали в уста исторических деятелей выдуманные речи⁵;

⁴ Отметим и то, что определенную грань между ранним Возрождением и XVI в. провело изобретение книгопечатания Иоганном Гутенбергом (в середине XV в.). Хотя уже к концу XV в. появилось много типографий, в том числе в Италии, особенно в Венеции, все же еще более быстро эта технология стала распространяться начиная с 1520-х гг. Это было связано с Реформацией и активным тиражированием Библий и других религиозных книг. Так, за период возникновения и укрепления протестантизма в Европе было напечатано 500 млн экземпляров Библии (Назарчук, А. В. Влияние книгопечатания на развитие протестантизма в Европе // Новая и новейшая история. – 2006. – № 4. – С. 79–90). А итальянская школа гуманистической историографии хотя и достигла наибольшего расцвета в XV – начале XVI в., все же складывалась в первой половине XV в. (а многие идеи уходили корнями в XIV в.), то есть она формировалась в ином информационном пространстве, чем взгляды мыслителей следующей эпохи.

⁵ При этом влиянию таких речей приписывались иногда крупные политические события и перевороты (Историография новой... 1977: 14).

в) деятели Возрождения так же, как их предшественники, не считали историю наукой. Век науки был еще впереди;

г) идеологи Возрождения не были атеистами (или агностиками), не выступали против церковного учения, продолжали принимать как данность истории ряд церковных догм, они верили в чудеса и т. п. (но их критический метод стал существенно строже);

д) эпоха Возрождения как бы продолжает развивать возникший повышенный интерес к истории, появившийся в последний период Средних веков⁶;

е) в эпоху Возрождения продолжалась традиция написания всемирных историй, создается целая серия таких историй, правда, более совершенных, чем средневековые, но в целом столь же компилятивных;

ж) в эпоху Возрождения усилился процесс политизации истории и, к сожалению, даже сознательной ее фальсификации. На этом моменте, поскольку о нем говорят редко, стоит остановиться.

Политизация истории. Историки Итальянского Возрождения не творили ради одной истины. Некоторые гуманисты служили при папском дворе, еще большее их количество было связано со светскими государями. Подобно художникам и скульпторам этой эпохи, они были наемными интеллектуалами и им часто заказывали составить официозную историю государств или династий в риторическом стиле для тех или иных республик или княжеств. В эту эпоху каждый город-государство стремился обзавестись собственной историей, причем часто включенной в канву всемирной истории⁷. Это очень интересный момент роста значения историогра-

⁶ Но в период Возрождения уважение к истории возрастает настолько, что, например, итальянский гуманист Л. Валла, в отличие от Аристотеля, поставил ее выше поэзии и философии, поскольку она основана на «буквальной истине». Он считал, что история более полезна, чем поэзия, так как полна мудрости.

⁷ «В исторических трудах гуманистов XV в. сохранилась идущая от предшествующей официальной хронистики верность локальным темам и приверженность местной политической традиции. Так, Леонардо Бруни, Поджо Браччолини, Бартоломео Скала писали сочинения по истории Флоренции и прослеживали судьбу ее пополански-демократических порядков, доказывая их бесспорное преимущество перед единовластием. В свою очередь венецианские историки-гуманисты конца XV – первых десятилетий XVI в. (Бернардо Джустиниани, Маркантонио Сабеллико, Марино Санудо Младший, Гаспаро Контарини и др.) всемерно подчеркивали достоинства олигархического строя Венецианской республики и видели в нем главную основу ее исторических успехов. Историки Миланского герцогства (в XV в. это гуманисты Пьер-Кандидо Дечембрио, Джованни Симонетта, Джорджо Мерула, Тристано

фии⁸. Но, как известно, кто платит, тот и заказывает музыку. А правители часто были заинтересованы в определенной интерпретации событий, поскольку это давало притязаниям определенной династии или группы большую обоснованность. Даже знаменитый «Трактат о ложности дара Константина» Лоренцо Валла (о нем ниже) был написан по политическому заказу. Соответственно гуманисты должны были в большей или меньшей степени угождать заказчикам⁹. Тем не менее это не дает основания умалять реальных заслуг гуманистов.

О теории истории в раннее Возрождение

1) Итальянские гуманисты развили некоторые важные моменты теории истории, касающиеся проблем места человека в истории, ценности истории среди других областей знания, периодизации истории (о них ниже).

2) Однако в отличие от писателей раннего христианства мысль итальянских деятелей Возрождения не дала оригинальной теории и философии истории, как из-за того, что они еще не полностью порвали с теологией истории, так и из-за их преклонения перед античностью.

3) Их теория истории не была сколько-нибудь ясно сформулирована и оставалась эклектичной, противоречивой. Фактически они

Калько) восхваляли достижения герцогов, отдавая предпочтение описанию “великих деяний” правителей из рода Висконти и Сфорца. Не лишен апологетичности в подходе к истории Неаполитанского королевства труд Лоренцо Валлы “О деяниях короля Фердинанда Арагонского”. Своих официальных историографов-гуманистов имели и республики – Генуя, Лукка, Сьена, и синьории (государства монархического типа) – Феррара, Мантуя и др.» (История культуры... 1999: 52–53).

⁸ Как указывает Косминский (1963: 43), каждое государство стремится прославить свою политику, свое правительство, свою династию, причем нередко эти восхваления принимают риторический характер. Правда, важно отметить, что в XVI в. история из чисто местной, посвященной восхвалениям отдельных городов-государств, начинает перерастать в национальную, общегосударственную (Там же: 56).

⁹ Степень искажения истории зависела, конечно, от индивидуальных черт характера, но в целом определенная гибкость в отношении истины характерна для большинства историков. Бывали даже, хотя и как исключение, настолько ловкие деятели, что умудрялись заниматься историческим шантажом, собирая, говоря сегодняшним языком, компромат на политических или иных деятелей. Таким исключительным явлением даже среди, по выражению Косминского (1963: 53–54), продажных «перьев» эпохи гуманизма был Паоло Джовио (1483–1552). Этот историк-шантажист требовал плату за то, чтобы деятель был изображен в его историческом сочинении в достойном виде, а отказавшихся платить выставлял в неприглядном свете.

и не стремились к разработке такой теории, главным для них было противопоставление античности и Средневековья, но в подходах смешивались идеи обеих этих эпох. С одной стороны, они не отрицали (по крайней мере, прямо) решающую роль Бога в ходе истории, что подразумевает линейность исторического времени. С другой стороны, гуманисты иногда обращались к отброшенной христианством идее круговорота¹⁰.

Достижения исторической мысли раннего Возрождения XV – начала XVI в. дали:

1) Новую методологию истории, связанную с филологической критикой источников и текстов, которая, правда, была достаточно широко внедрена только в последующие эпохи.

2) Новое источниковедение, поскольку было найдено, возрождено и спасено от забвения и гибели огромное количество античных текстов; живой интерес гуманистов вызывали наряду с рукописями и другие останки античности – надписи на твердом материале, статуи, здания¹¹. В результате возникают зачатки археологии и исторической топографии.

3) Новый подход к периодизации истории и переоценка эпох. Вся история делилась не по библейским легендам, а на три исторические эпохи: античность, средний, или «темный», век и новое время¹². При этом эпоха Средних веков была коренным образом переоценена как время варварства, ее авторитеты перестали быть кумирами; одновременно происходит «восстановление в правах» античной эпохи и античных мыслителей, правда, с чрезмерной их идеализацией.

¹⁰ Например, Ф. Гвиччардини пишет: «Дела прошлого освещают будущее, ибо мир был всегда один и тот же; все, что есть и будет, уже было в другое время, а бывшее возвращается, только под другими названиями и в другой окраске; но узнает его не всякий, а лишь мудрый, который тщательно его наблюдает и обдумывает» (цит. по: Сергейчик, Е. М. Философия истории. – СПб.: Лань, Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002. – С. 99). С другой стороны, это закладывает традицию философии истории, основанной на идее циклического или спиралевидного развития, нашедший свое воплощение в трудах Вико и мыслителей XIX в.

¹¹ Ревностным «охотником за рукописями» был поэт Франческо Петрарка. Очень успешными оказались поиски Поджо Браччолини (1380–1459), организовавшего вместе с друзьями четыре экспедиции за древними манускриптами. Греки, прибывшие в Италию, и итальянские гуманисты, посетившие Византию, привозили рукописи с текстами греческих классиков (Историография античной... 1980: 20–21).

¹² Этот подход также опровергал некоторые важные теоретические идеи средневековой теологии истории, например идею о «непрерывности» существования Римской империи.

4) Новое отношение к человеку и начало секуляризации истории. Человек вновь стал центральной фигурой истории, а дела людей рассматривались как имеющие самостоятельный интерес, а не только в связи с замыслом Божиим. Это позволяло возродить прагматическую историографию, то есть перейти к истории *деяний*, призванной служить *практическим* целям людей, а не восхвалению мудрости Бога.

5) Зарождение историзма нового типа, то есть поиск перво-причин внутри самой реальной истории, а не в божественном промысле; в будущем это открывало возможность на базе рационализма создать новую философию истории¹³.

6) Новый подход к движущим силам истории. Можно говорить о повышении роли человеческого фактора в истории. Не отрицая роли Бога и провидения, гуманисты активно рассуждают о роли в истории человеческих дел, совершенных под влиянием человеческих идей и мотивов¹⁴. Например, Макиавелли и Гвиччардини видели одну из важных движущих сил исторического процесса в политической борьбе партий и социальных групп, которые сменяли друг друга у власти. В связи с повышением интереса к человеку – хотя роль Провидения по-прежнему признавалась ведущей – деятельность выдающихся людей стала рассматриваться в числе важных движущих сил истории (тем более что такие идеи можно было найти и у некоторых античных авторов). Особенно это заметно у Макиавелли в его политической теории, о которой будет сказано ниже. Отметим, кстати, что Макиавелли был одним из первых, кто подчеркнул, что важную роль в истории могли играть не только герои, но и деятели аморального плана.

¹³ «Как это ни парадоксально, – пишет М. А. Барг, – но вплоть до Возрождения человек европейской культуры, уже обладавший огромной историографической традицией, по сути, боялся оставаться с текущей историей “наедине”. В эпоху классической древности он скрывался от нее под сенью незыблемого космоса, а в средние века – под защитой доктрины искупления и второго пришествия “спасителя”. И только тогда, когда человек оказался на почве мировидения рационализма, из истории постепенно были убраны все надъисторические и внеисторические “силы” – настало время для поисков “пружин” и “порядка” в ходе истории в ней самой» (Барг 1987: 22–23).

¹⁴ Отсюда и убеждение, высказанное, в частности, Макиавелли, что результаты политики зависят в первую очередь от правильно поставленных целей, избранных средств и искусства правителя. В некоторых отношениях, предшествуя XVIII в. (и опираясь на мысли античных историков), историки Возрождения говорили о том, что развитие (и даже законы) истории определяется природой человека.

Рассмотрим теперь некоторые моменты более подробно.

Зарождение новой методологии истории. Можно сказать, что интерес гуманистической культуры к истории носил прежде всего филологический характер, поскольку именно введение в оборот большого количества древних текстов породило новые потребности. Новая методология возникла из следующих явлений. Во-первых, из практической потребности в установлении достоверности древних текстов в связи с их поисками и коллекционированием¹⁵. Во-вторых, началась регулярная публикация таких текстов, что соответственно требовало более высокого, чем раньше, уровня их изучения и интерпретации¹⁶. В-третьих, выполнение определенного политического заказа требовало более строгих методов аргументации и бесспорных методов определения подлинности. Из последнего фактора и родился хотя все еще примитивный, но уже близкий к научному метод критического анализа текстов. Новая методика основывалась прежде всего на блестящем знании латыни, древних языков и достижениях филологии, но также зарождались уже и методы проверки по письменным источникам.

Новая методология была успешно применена для установления подложности одного из самых важных для папского влияния документов, так называемого «Константинова дара». Церковь относила его к IV в., когда жил император Константин, а на самом деле он был сфабрикован папской канцелярией в VIII в. Суть этого документа заключалась в том, что римский император Константин якобы передал город Рим и светскую власть над западной частью Римской империи, в том числе и над Италией, римскому папе Сильвестру I (314–335) в благодарность за исцеление и в связи с принятием христианства, а сам император Константин переезжал на Восток в Константинополь. Этот документ тем самым не только обосновывал права папы на Рим, но и служил папам юридическим основанием в претензиях на светскую власть (а также был аргументом

¹⁵ Соответственно гуманисты выступали как эксперты. Нечто подобное происходило, как мы видели, в эпоху династий Сун и Мин в Китае, когда в результате роста моды на коллекционирование родилось особое направление науки (см. лекцию 4).

¹⁶ Наибольшие заслуги в издании античных авторов принадлежат гуманисту Альду Мануцию (1449–1515). Вместе со своими друзьями и помощниками Мануций в своей типографии в Венеции издал произведения 27 античных авторов в 96 томах. Издательскую деятельность Мануция продолжали его сын и внук (Историография античной... 1980: 20–21).

в спорах о том, чья власть выше: папы или императора). В подложности этого документа сомневались давно. В 1440 г. Лоренцо Валла (1407–1457) по заказу Арагонской династии Неаполитанского королевства, которая выступала против притязаний папы, написал знаменитый «Трактат о ложности дара Константина»¹⁷. В нем он приводит много разных аргументов. Но наиболее важной для развития историографии стала его филологическая критика текста. В частности, грамматически анализируя отдельные фразы, Валла обнаруживает варварский характер латыни «Константинова дара», так римлянин IV в. писать не мог¹⁸.

Новый способ анализа в период раннего Возрождения не получил распространения¹⁹, но в дальнейшем не раз использовался для разоблачения исторических фальшивок. В целом критика исторических источников в руках историков стала новым оружием преодоления концепций и представлений, выработанных средневековой историографией.

Новая периодизация истории родилась как стремление переосмыслить ценность и показать качественное различие эпох. Отметим, что эпохальный взгляд на историю, появившийся в раннее Средневековье, о котором было сказано выше, тем самым прочно закрепился в арсенале теории и методологии истории. Считается, что контуры новой периодизации истории наметил Ф. Бьондо, «критерием» выделения эпох, говоря современным языком, можно считать различия в уровне духовной культуры. **Античность** рассматривается уже не как период язычества, что было характерно для Средних веков, а как эпоха колоссальных достижений, незаслуженно забытых и отвергнутых, как эпоха высот человеческого духа и свершений; напротив, **Средние века**, целое тысячелетие, трактуются как период невежества, мрака и фанатизма. Гуманисты

¹⁷ При жизни автора трактат напечатан не был. Впервые издан в 1517 г. Ульрихом фон Гуттенем.

¹⁸ Валла отмечал также, что в «Константинов дар» включены выражения из христианских источников, которых Константин, тогда язычник, знать не мог. Он сравнивает язык некоторых мест «Константинова дара» с языком «Апокалипсиса» и указывает, что отсюда взяты целые фразы (см.: Косминский 1963: 50–51).

¹⁹ Как пишет М. А. Барг, «только в двух случаях направление ренессансного историзма, начало которому положил Валла, не вылилось в одно лишь повторение мудрости древних, а проявило незаурядные творческие потенции – в трактатах итальянца Франческо Патриции и француза Луи Леруа» (Барг 1987: 280).

полностью – как это вообще свойственно прозелитам – отрицают огромные достижения средневековой мысли и культуры²⁰. Соответственно современную им эпоху гуманисты рассматривают как **«новое время»** *возрождения* античной культуры. Такой подход в принципе менял и отношение к историческому времени²¹. Необходимо отметить, что хотя гуманисты раннего Возрождения много сделали для того, чтобы перестать следовать по пятам за авторитетами Средневековья, сами они слишком идеализировали античность, не всегда разумно подражали ей, настолько преклонялись перед ее авторитетом, что не смогли адекватно оценить собственную эпоху как начало принципиально нового периода (а рассматривали ее прежде всего как возврат к идеалу античности). Эту задачу решали уже в последующие века.

Новая периодизация истории с некоторыми хронологическими изменениями стала позже (в XVII–XVIII вв.) очень распространенной (древняя, средняя и новая история) и играет свою роль и в настоящее время. Такая периодизация, однако, закладывала – правда, помимо воли ее авторов – идею ведущей линии истории и фактически европоцентризма.

Политические теории. Никколо Макиавелли

К школе историков-политиков принадлежали оба крупнейших историка эпохи Итальянского Возрождения – Н. Макиавелли (1469–1527) и его младший современник Ф. Гвиччардини (1483–1540), оказавшие наибольшее влияние на последующую историографию. Оба они написали в разное время работы под названием

²⁰ Этот негативный подход, который не изжит полностью и по сию пору, во многом был ответственным за отношение к Средневековью как к потерянному для истории (и особенно для культуры) времени. Отметим также, что Возрождение, пересмотрев авторитеты и оценку эпох, тем самым продолжило традицию, заложенную средневековой теорией истории, которая отбросила многие авторитеты античности и возвело на пьедестал авторитеты теологии, а также дало негативную оценку всему предшествующему периоду как периоду язычества и мрака. И далее каждая новая эпоха продолжала эту традицию пересмотра значимости эпох и мыслителей прошлого, что продолжается до сих пор. Такова диалектика развития, хотя революционный пересмотр всего накопленного предшественниками, равно как и бездумное восхваление того, что ранее отрицалось, не лучший способ развития.

²¹ Как считает Е. М. Сергейчик (Указ. соч. – С. 97), подобная точка зрения могла утвердиться только при радикальном переосмыслении категории времени, которое предстает как динамическое, изменчивое, как мера интенсивности человеческой, посюсторонней, мирской активности.

«История Флоренции». В этих произведениях хорошо видна политическая направленность взглядов обоих историков. Например, Гвиччардини интересуют в первую очередь вопросы о том, как Флоренция сохранила свою независимость, каковы характер ее политического строя, борьба ее партий. Причем материалом ему служат воспоминания людей того социального круга, к которому он сам принадлежал. Идеал Гвиччардини – аристократический политический строй Венеции, которой он всячески восхваляет. Поэтому неудивительно, что и в «Истории Флоренции» он стремится доказать, что условием сохранения республики и независимости Флоренции является господство аристократии.

Как отмечает Косминский (1963: 71, 75), у Гвиччардини-историка имелась большая проницательность, умение разобраться в тех скрытых пружинах, которые двигают политикой, и в частности действиями отдельных политических деятелей. Однако он лишен способности к широким обобщениям. В противоположность ему Макиавелли был отвлеченным теоретиком-мыслителем, и в этом плане он представляет собой исключение среди гуманистов-историков раннего Возрождения. Но именно он оставил наиболее крупное и известное политологическое произведение начала XVI в. Н. Макиавелли исходил из признания того, что в истории действуют силы и закономерности, независимые от воли людей и богов. Он также развивал сходную с идеей Полибия концепцию о циклическом развитии форм политической организации общества (см. лекцию 2). Вслед за Аристотелем и Полибием он говорит о шести формах правления в их оппозиции (положительная – отрицательная формы): монархия – деспотия; аристократия – олигархия; демократия – анархия. Он показывает смену этих форм правления примерно так же, как и Полибий: монархия постепенно вырождается в тиранию; после ее свержения возникает господство аристократии; аристократия вырождается в олигархию; затем народ свергает олигархию; возникает демократия, которая позже вырождается во власть черни и в анархию. После этого государство должно погибнуть, если не будет его обновления в результате прихода к власти какой-то сильной личности, способной установить порядок и провести должные изменения в этом раздираемом враждой обществе. Какая же из всех названных форм правления кажется Макиавелли наилучшей?

Выход он видит в объединении Италии под властью сильного и лишённого угрызений совести государя. В этот период Италия страдала от раздробленности. Поэтому Макиавелли казалось, что лучше любой самый беспринципный государь во главе единой Италии, чем постоянно соперничающие многочисленные итальянские государства, неспособные отразить внешнюю агрессию Франции и других стран (как позже Т. Гоббсу казалось, что лучше нарушение прав людей со стороны государства, чем внутренние смуты). Для достижения этой цели правитель, по мнению мыслителя, должен использовать все средства, в том числе аморальные: он всегда будет оправдан, если результаты окажутся хороши²². У Макиавелли много ценных и глубоких идей²³. Однако именно этот момент открытого и даже циничного отстаивания принципа «цель оправдывает средства» и стал наиболее известной (и наиболее скандальной) частью теории Макиавелли как политического теоретика. Так возникло понятие макиавеллизма как символа политического коварства. Многие рекомендации Макиавелли послужили практическим руководством для беспринципных политиков. С идеями Макиавелли о полной моральной вседозволенности политика и правителя, что цель оправдывает любые средства, трудно согласиться. И все же нельзя не признать, что своим откровенным и даже циничным описанием соотношения моральных норм и политической целесообразности он поставил перед политической наукой одну из самых сложных и дискуссионных проблем, которая уже несколько веков не может оставить никого равнодушным²⁴.

²² «И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность», — пишет Макиавелли (Макиавелли, Н. Государь. — М.: Планета, 1990. — Гл. XV). В таком взгляде, к сожалению, много правды, даже и в современной ситуации. Вспомним, например, что вовремя не примененная сила в отношении национализма привела к развалу СССР.

²³ Кроме того, недостаточно судить о политических взглядах Макиавелли только по его знаменитому произведению «Государь», необходимо учитывать его «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», где его политические взгляды изложены в некоторых отношениях более полно. «История Флоренции» — основной исторический труд Макиавелли — также дает материал для суждения о его общих политических взглядах.

²⁴ При этом нелишним будет отметить, что сам по себе этот историк вовсе не был жестоким по характеру или лицемером. В его личной жизни во многом можно наблюдать полное расхождение между теорией и практикой. С другой стороны, молодой и обаятельный

Так или иначе, эта теория срывала лицемерный покров таинственности, ореола и божественной благодати с политической власти вообще и власти монархической в частности. Политика представляла во всей ее противоречивости и реальности, а ее изучение переходило на уровень научного анализа. «Политика – грязное дело», эта мысль стала расхожей фразой в наши дни. Но стремление к более чистой политике всегда являлась и является мощнейшей движущей силой развития общества.

Таблица 1

ФИЛОСОФЫ И ИСТОРИКИ РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Автор	Даты	Страна	Название произведения
Леонардо Бруни	1370 (или 1374) – 1444	Италия	«История Флоренции»
Флавио Бьондо	1392–1463	Италия	«История со времени падения Римской империи»
Лоренцо Валла	1407–1457	Италия	«Трактат о ложности дара Константина»
Никколо Макиавелли	1469–1527	Италия	«Государь»
Франческо Гвиччардини	1483–1540	Италия	«История Италии»

Рекомендуемая литература

Барг, М. А. 1987. *Эпохи и идеи. Становление историзма*. Гл. 5, 6. М.: Мысль.

Вайнштейн, О. Л. 1964. *Западноевропейская средневековая историография*. Гл. 6. М. – Л.: Наука.

Историография античной истории / под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1980. Гл. 1, § 3.

Чезаре Борджа (Цезарь Борджиа [ок. 1475–1507]), силач, отважный полководец и искусный политик, прототип которого изобразил Макиавелли в «Государе», несмотря на неразборчивость в средствах, беспощадность, беспринципность и распущенность, отнюдь не был только чудовищем, как его нередко изображают, а имел немало положительных качеств. Он умел привлекать и ценить людей, и в целом в пороках не так уж выделялся на общем и неприглядном политическом фоне Италии конца XV – начала XVI в. К тому же надо учитывать, что на него неоднократно делались покушения, в результате одного из них в 1503 г. его отец, папа римский Александр VI, умер, а Цезарь несколько месяцев проболел.

Историография истории нового времени стран Европы и Америки / под ред. И. П. Дементьева. М.: Высшая школа, 1990. Раздел 1 (введение, гл. 1).

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / под ред. И. С. Галкина и др. М.: МГУ, 1977. Раздел 1.

История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / под ред. Л. М. Брагиной. М.: Высшая школа, 1999. Гл. 1. Культура Возрождения в Италии во второй половине XIV–XV вв.; особенно раздел «Историография».

История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. Гл. 3, 4. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.

Косминский, Е. А. 1963. *Историография средних веков: V в. – середина XIX в.* М.: МГУ.

Лекция 6. XVI – НАЧАЛО XVII В.

Общая характеристика. Со второй половины XVI в. можно говорить о постепенном упадке гуманистической культуры в Италии, но к этому времени она успела оказать колоссальное воздействие на культуру почти всей Европы (в том числе и за счет расселения довольно значительного числа итальянских гуманистов по разным странам). В результате в XVI в. Возрождение стало общеевропейским явлением. Однако в отличие от раннего итальянского гуманизма, в целом более или менее равнодушного к теологическим проблемам, европейский (и особенно немецкий) гуманизм оказался тесно связанным с Реформацией и религиозными спорами²⁵. Продолжая традицию ранних гуманистов, мыслители XVI в. критиковали и ниспровергали средневековые авторитеты. Этому сильно способствовали накал страстей и идейная и социальная борьба в период Реформации²⁶. Видными представителями гу-

²⁵ Еще до начала Реформации, особенно в конце XV – начале XVI в., церковные порядки, нравы монахов и служителей церкви подверглись едкой критике со стороны немецких гуманистов (Эразма Роттердамского, Ульриха фон Гуттена и др.). Недаром у современников была в ходу поговорка: «Эразм снес яйцо, а Лютер его высидел» (см.: Порозовская, Б. Д. Мартин Лютер / Б. Д. Порозовская и др. // Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола: Биографические очерки. – М.: Республика, 1995. – С. 64).

²⁶ В этой связи стоит заметить, что параллельно идут два процесса: развитие секуляризации истории и ее теологизация, но уже на базе новых религиозных (протестантских) идей, что хорошо видно на примере творчества С. Франка (см. дальше). Этот параллелизм характерен и для следующего, XVII в. Как замечает Р. Тарнас, «парадоксальной особенностью Реформации был ее во многом двойственный характер, ибо она одновременно представляла

манистической историографии были У. Кемден и Ф. Бэкон – в Англии, Я. Вимфелинг, С. Франк и др. – в Германии, Ж. Боден, отец и сын Скалигеры – во Франции.

Осознание принципиальной новизны собственной эпохи и уменьшение преклонения перед античностью. Хотя, по мнению некоторых исследователей, духовный идеал XVI в. все еще находился позади – в классической древности, тем не менее можно считать, что XVI в. – *это время, когда преклонение перед авторитетами античности заметно пошло на убыль*²⁷. Мыслителей XVI в. отличало от гуманистов раннего Возрождения, которые абсолютно идеализировали античность, следующее:

а) глубоко изучая античное наследие, они гораздо меньше принимали как непререкаемые суждения античных писателей. Подобно Ф. Бэкону, многие в XVI в. стали осознать, что благоговение перед древностью «околдовывает» людей и удерживает от движения вперед²⁸;

б) одновременно гуманисты XVI – начала XVII в. начинали осознать свое время как принципиально новый период истории (а не только как период возрождения античной культуры), в том числе в связи с открывающимися возможностями научного метода. Например, английский философ и историк Фрэнсис Бэкон (1561–1626) в своей знаменитой работе «Новый Органон» (1620), названной в противопоставление «Органону» Аристотеля, утверждал, что современная эпоха, если только осознает свои силы и пожелает испытать их, может совершить больше, чем было сделано в прежние времена. Аналогично Жан Боден считал свое время началом расцвета новой цивилизации, более высокой, чем античная;

в) в связи с переоценкой значения эпохи античности (в сторону представления ее эпохой не столь уж высоких достижений) зарождается идея поступательного прогрессивного развития общества.

собой и консервативную религиозную реакцию, и радикально-вольнодумный переворот», и «если ее основная направленность была... недвусмысленно религиозной, то окончательное ее воздействие на западную культуру дало сильный крен в сторону обмирщения...» (Тарнас, Р. История западного мышления. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – С. 199, 201).

²⁷ Недаром Ж. Кондорсе в качестве отдельной ступени прогресса выделял эпоху от изобретения книгопечатания до примерно середины XVII в., «когда науки и философия сбросили иго авторитета». Таким образом, XVI в. занимает центральное место в этом процессе освобождения от давления авторитетов древности.

²⁸ «У греков не было тысячелетней истории, которая была бы достойна имени истории, а только сказки и молва древности», – писал, например, Бэкон (Новый Органон, LXXII).

Основные достижения теоретико-исторической мысли XVI – начала XVII в.

- 1) Рост интереса к истории и развитие идей о ее назначении.
- 2) Первые попытки применения научного метода к изучению общества.
- 3) Развитие критической методологии истории, новой научной хронологии и вспомогательных исторических дисциплин, расширение источниковедения за счет активной публикации текстов.
- 4) Развитие теории истории, в частности представлений о ее движущих силах и стадиях развития общества²⁹.
- 5) Развитие новых общественно-политических теорий, связанных с идеями наиболее правильного устройства общества; рост интереса к проблемам собственности.

Рост интереса к истории и начало взгляда на историю как науку. XVI в. – это начало рождения нового взгляда на науку и ее возможности, открывшегося после знаменитого труда Н. Коперника в конце XV в. В частности, Бэкон видел в науке орудие развития общества, его знаменитое выражение «Знание – сила» («Knowledge itself is power») стало лозунгом научного прогресса на последующие века. Отсюда и любое знание начинает анализироваться с точки зрения его соответствия требованиям научного знания. Новое отношение к истории также заключается в рассмотрении ее через призму научного подхода. Тот же Бэкон, будучи не только философом, но и историком (а также и политиком), смотрел на историю в определенной мере как на опытное знание³⁰.

Рост интереса к истории, вышедший за рамки ученой среды и превратившийся в своего рода моду, наглядно выражался уже в том, что книги, посвященные вопросу о жанрах, целях, достоин-

²⁹ В это время на основе сведений о жизни индейцев в Америке и других нецивилизованных народов и сравнения их с описанием варваров у античных писателей зарождаются представления о стадиях развития общества, которые в XVII в., но особенно в век Просвещения, в частности у шотландца Адама Фергюсона (1723–1816) в его «Опыте истории гражданского общества», оформились в трехчленную периодизацию: дикость, варварство, цивилизация.

³⁰ Хотя он не считал историю полноценной наукой, какой выступала математика, однако в его карте знания поэзия, история и философия четко отделены друг от друга, поскольку управляются тремя способностями человеческого духа – воображением, памятью и разумом. Память – прерогатива истории, отсюда вытекало, что главная задача истории – воскрешать в памяти и регистрировать факты прошлого такими, какими они были в действительности (см.: Коллингвуд 1980: 56–57).

ствах, методе «написания и чтения истории» (называемые «*artes historicae*»), становятся достаточно многочисленными во второй половине XVI в.³¹ Когда в 1579 г. в Базеле было предпринято издание своего рода сборника наиболее значительных трактовок на эту тему, то легко набралось 16 сочинений современных авторов. Правда, содержание большинства этих произведений в целом не выходило за обычные рамки похвалы истории как рода литературы, указания пользы чтения истории (история – мать всех добродетелей), обучения искусству политики тех, кто призван ее творить (см.: Барг 1987: 278–279).

Подлинно новаторскими среди такого рода книг стали произведения итальянского гуманиста и философа Франческо Патрици (1529–1597) «Десять диалогов об истории» и французского политического мыслителя Жана Бодена (1530–1596) «Метод легкого познания истории»³². Сами названия говорят о том, что в центре внимания исследователей – рассуждения на тему, что собственно есть история, какие задачи стоят перед историком и какие методы он должен использовать. В их трудах история выступает уже не как род искусства, а как наука, главной задачей которой является: а) познание истины (а не искусство дидактики, не собирание примеров для назидания); б) установление подлинности фактов (соответственно их поиск и отбор); в) критика источников. Боден даже приблизился к пониманию того, что история обладает своим собственным методом. Но спор по поводу того, чем является история – наукой о фактах или способом воспитания читателя и общества, – будет идти еще на протяжении трех последующих веков (см., например: Carr 1996)³³.

Новые представления о законах и движущих силах истории.
Мыслители XVI – начала XVII в. значительно расширили или раз-

³¹ М. А. Барг считает, что их распространение не случайно хронологически совпадает с контрреформацией, развернувшейся в странах, оставшихся в лоне католицизма. Дело в том, что для обоснования своих позиций и католики, и протестанты, в особенности последние, прибегали главным образом к «свидетельствам историческим» (Барг 1987: 278–279).

³² Труд Бодена содержал в качестве приложения трактаты Лукиана «Как писать историю» и Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде».

³³ Carr, D. 1996. *History, Fiction, and Human Time*. Текст доклада, прочитанного в марте 1996 г. на симпозиуме «История и пределы интерпретации» в Университете Райса (Хьюстон, США).

вили представления о движущих силах истории, рассматривая в качестве последних разум, науку и знания, идейную, политическую и социальную борьбу, государство и его деятельность (законы, войны, методы управления), личность (государей, политических и иных деятелей), отношения собственности, географическую среду и др. Все эти факторы затем активно исследуются в течение последующих столетий.

Жан Боден был одним из самых крупных теоретиков в области общественной мысли и исторического процесса XVI в. Некоторые его мысли, особенно обобщенные в работе «Шесть книг о государстве», существенно опередили свое время. В частности, это касается проблемы влияния природных особенностей общества на его политическое и социальное устройство. В Средние века проблеме роли географической среды уделялось очень мало внимания в связи с господством теологии истории. Исключением были, пожалуй, только Ибн-Халдун и некоторые китайские авторы. Боден после более чем тысячелетнего перерыва традиции обобщил и развил идеи античных авторов на этот счет. Таким образом, именно благодаря ему вопрос о роли географического фактора был введен в арсенал теории и философии истории, оставаясь одним из самых важных в течение XVIII–XX вв. Конечно, во взглядах Бодена, как и его античных предшественников, много наивного и неверного. Но важно, что он впервые достаточно подробно и систематически рассмотрел вопрос о влиянии природы на общество, высказав идеи, которые в дальнейшем были развиты Монтескье³⁴.

У Бодена мы также встречаем идею, которая станет ведущей в век Просвещения, – идею прогресса. При этом он полагал, что наука история показывает это прогрессивное движение. Представления о законах истории даже у наиболее выдающихся мыслителей были еще весьма далеки от научности. Тем не ме-

³⁴ Основными идеями Бодена были: 1. Обусловленность психического склада народа совокупностью естественно-географических условий, в которых этот народ развивается. Боден делит народы на северные, южные и обитающие в средней полосе, он отдает предпочтение психическому складу последних. 2. Зависимость законов и учреждений от климата. Боден считал, что законодательство в огромной степени зависит от географических условий, так как разная природа требует разных социально-политических учреждений. 3. Особенности влияния естественных условий, по мысли Бодена, могут быть ослаблены или устранены социальными факторами.

нее у некоторых гуманистов, как, например, у упомянутого выше философа Ф. Патрици, можно увидеть некоторые фрагменты философии истории. Эти идеи можно охарактеризовать как философию циклизма, во многом близкую к взглядам некоторых античных мыслителей (в лекции 5 мы видели также, что подобные взгляды встречались у Макиавелли и в меньшей степени у Гвиччардини)³⁵.

Критические и иные методы. XVI и начало XVII в. богаты не только новыми теоретическими идеями, но и новыми подходами к методологии истории. Прежде всего:

а) повышается требование к точности исторических фактов и ценность фактов самих по себе;

б) в связи с повышением требований к точности фактов продолжалась прямая или косвенная критика средневековых взглядов на историю. Например, Ж. Боден показал, что принятая в истории схема периодизации по четырем Империям основывалась не на точном истолковании фактов, а на произвольной схеме, заимствованной из библейской Книги Даниила (создана во II в. до н. э.)³⁶;

в) продолжали развиваться критические методы, которые способствовали определению подлинности древних и средневековых текстов и установлению их возраста (по использованному материалу, особенностям написания букв, грамматики и языка и т. п.);

г) все это развивало методы вспомогательных исторических дисциплин (археографии, археологии, топонимики, палеографии, нумизматики и др.). Крайне важно, что эти новые методы помогали не просто описывать события, но реконструировать историю на основе полученных в анализе данных. Так, современник Бэкона У. Кемден, занимаясь топографией и археологией Британии, пока-

³⁵ По мнению Патрици, закону природы, который, говоря современным языком, можно описать как закон повторения определенных жизненных стадий (зарождения, развития, роста, упадка и гибели), подчинены также общество и государство. Государство зарождается в виде города, который затем сначала становится подлинным государством, а на следующей стадии – империей. Достигнув зрелости, империя начинает клониться к упадку и в конце концов разрушается.

³⁶ А многочисленные ученые, в большинстве случаев итальянцы, занялись опровержением тех легенд, в которые многие страны облекали свое незнание собственного происхождения. Полидор Вергилий, например, в начале XVI столетия разрушил старое предание об основании Британии Брутом-троянцем и заложил основы критической истории Англии (см.: Коллингвуд 1980: 56–57).

зал, как забытая история может быть реконструирована на основании определенных данных (Коллингвуд 1980: 56–57), точно так же, как естествоиспытатели, работавшие в то же время, строили на основании собранных данных научные теории.

Расширение базы исторических источников. В XVI–XVII в. очень сильно расширяется источниковедческая база историографии, что было связано, во-первых, с продолжением практики ранних гуманистов по поиску и проверке древних и средневековых текстов, но теперь ареной поиска стала не только Италия, а целая группа европейских стран. Во-вторых, книгопечатание позволило сделать достоянием историков и мыслителей прежде недоступные им тексты. В-третьих, новое источниковедение было связано с расширением библиотек (за счет удешевления производства книг) и более активной работой в государственных и частных архивах³⁷. В-четвертых, любители древностей (антиквары) начинают объединяться в общества (по крайней мере, в некоторых странах, например Англии с конца XVI в.), обмениваться информацией, издавать труды или вводить в оборот исторические источники (этот процесс станет особенно важным в следующем XVII в.). Наконец, в-пятых, новые исторические источники активно вводятся в оборот также в связи с ростом интереса к исследованию национальных историй.

Хронология. Наглядной победой научного метода в XVI в. стало создание научной хронологии. Иосиф Юстус Скалигер (1540–1609)³⁸ в своем «Новом сочинении об исправлении хронологии» (1583) заложил фундамент этой научной дисциплины. Чтобы завершить работу в том же направлении, Скалигер издает в 1606 г. книгу, где собирает сведения всех известных ему античных хронографов³⁹. Знание языков и истории помогло ему включить в свою

³⁷ Недаром в XVI в., по крайней мере в Англии, появляются печатные труды по статистике, экономические исследования, основанные на государственных данных, по налогам, доходам, владению землей и т. п.

³⁸ Иногда его имена даются как Жозеф Жюст. Не путать с его отцом Юлиусом Цезарем Скалигером (1484–1558), также выдающимся гуманистом.

³⁹ Скалигера считают также основателем научной эпиграфики. Во время путешествий он собрал много текстов надписей, в том числе и греческих. Он передал их профессору Гейдельбергского университета Яну Грутеру и помог в их издании, составив к ним указатель. Так в 1603 г. появилось огромное собрание из 12 тыс. латинских и греческих надписей, открывшее серию подобного рода сборников латинских, греческих, этрусских надписей (Историография античной... 1980: 27).

систему важнейшие источники по древней хронологии и найти способы перевода между этими системами. Скалигер широко использовал метод астрономической датировки событий. Таким образом, впервые всемирная история получает научно обоснованную хронологию и научный метод сопоставления разных систем хронологии.

Политические теории. Проблема частной собственности и справедливой организации общества. XVI в. знаменуется формированием и упрочением нового типа государств в Европе⁴⁰. Отсюда и рождение новой политической философии (получившей особое развитие в следующем XVII в.). В частности, в работе «Шесть книг о государстве» Боден высказал ряд важных идей о государстве и, по сути, впервые поставил в политической науке проблему государственного суверенитета, его объема и полноты.

Реформация и религиозные войны сделали XVI в. одним из самых напряженных столетий в смысле идейной борьбы и религиозно-идеологических дискуссий⁴¹. Поскольку люди начали думать над переустройством общественных отношений, неизбежно оказались поднятыми и вопросы отношения к такому важнейшему институту, как частная собственность (чему, кстати, способствовали и данные об отсутствии частной собственности у дикарей). Позиции тут были диаметрально противоположными: от требований ее защиты даже от короля до утверждений, что частная собственность должна быть упразднена⁴². Так, Ж. Боден, отстаивая сильную и да-

⁴⁰ Это уже развитые государства, а не ранние (архаические). Согласно новой эволюционной типологии в своем развитии государственность проходит три стадии: раннее государство – развитое государство – зрелое государство (см. подробнее: Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс. От раннего к зрелому государству. – М.: КомКнига, 2010.)

⁴¹ Среди прочего это способствовало тому, что впервые начали применять цитирование подлинных документов как средство доказательства правоты, и произошло это именно в церковной полемике XVI в.

⁴² Среди сторонников этой идеи было немало представителей радикальных кругов духовенства, в том числе монашества, что вполне объяснимо, поскольку христианство утверждалось как религия бедных, главной заповедью которой было раздать имущество и не искать материальных благ (ищущие их принадлежат к «земному граду» дьявола, по Августину Аврелию). А среди монашества общность имущества была вполне реальным правилом. Надо также вспомнить, что введенный в XI в. целибат (безбрачие) монашества сделал невозможным передачу имущества духовных лиц по наследству, то есть имущество церкви было общим, корпоративным. Вопросы правомерности владения земельной собственностью мона-

же абсолютную власть короля, тем не менее отмечал, что последний должен уважать «божественные» и «естественные» законы, к которым в первую очередь относится охрана собственности подданных. Боден считал, что без частной собственности существование государства невозможно. Полемизируя с социалистическими взглядами Томаса Мора (и его идейного предшественника Платона), он приводил историю Мюнстерской коммуны⁴³ как доказательство того, что «государство, основанное на коммунизме, противно богу и природе» (см.: Вайнштейн 1964: 409).

Иной позиции придерживался известный немецкий историк Себастьян Франк (1499–1542 или 1543). В своей книге «Хроника, летопись и историческая библия», посвященной всемирной истории, он поднимает проблему появления частой собственности, государства, сословного устройства и крепостничества⁴⁴. Франк рассматривает эти проблемы с радикальных позиций, считая, что социальное и политическое угнетение простого народа связано с возникновением частной собственности. С момента ее появления вся история становится аренной социальной борьбы между угнетателями и трудящимися, которые, согласно его представлениям, являются носителями мирового разума⁴⁵. Несмотря на такой социалистический подход, в позиции Франка можно увидеть и новые идеи о движущих силах истории (социальная борьба), исторический подход к изучению институтов общества (развитый впоследствии Ж.-Ж. Руссо), некоторые мысли о прогрессе, а также попытку ввести в тематику исторического исследования новые проблемы социального угнетения, социальной борьбы и пр. Современник Франка

стырей и церкви были одними из наиболее острых в России в конце XV – начале XVI в., когда разгорелся знаменитый спор между осифлянами и нестяжателями.

⁴³ Мюнстерская коммуна – теократический режим, установленный анабаптистами в Мюнстере (Вестфалия) в 1534–1535 гг. во главе с Яном Матисом, а после его гибели Иоанном Лейденским. В осажденном городе Мюнстерская коммуна провела конфискацию церковно-монастырского имущества, отмену долгов и денежного обращения, а также уравнительное распределение предметов потребления. Просуществовала 16 месяцев.

⁴⁴ Книга написана в 1531 г., в разгар Реформации, одновременно с религиозных (принятие христианской мифологии и периодизации истории) и социалистических позиций, что, впрочем, было очень характерно для некоторых, особенно немецких, ранних социалистов.

⁴⁵ Тут нетрудно увидеть истоки социалистической идеи об особых качествах пролетариата, воплощающего в себе лучшие качества человечества. Впрочем, в утопизме XVI в. было много идей, открыто или неявно воспринятых научным социализмом.

немецкий утопист-революционер Томас Мюнцер пытался применить на практике свои радикальные идеи⁴⁶. В 1525 г. в г. Мюльгаузене в Тюрингии им была организована коммуна, закончившая существование в связи с разгромом войск Мюнцера и захватом города княжескими войсками.

Духовный радикализм XVI в. вызвал появление идеологов, которые всячески противопоставляли социальный вред, наносимый частной собственностью, и пользу общей, совместной собственности, в разных странах⁴⁷. Наиболее известны работы английского политика, историка и мыслителя Томаса Мора (1478–1535) «Утопия»⁴⁸, давшая название всему направлению раннего социализма, и итальянского монаха-мыслителя Томмазо Кампанеллы (1568–1639) «Город Солнца». Соответственно эти мыслители в своих работах рисовали идеальное, по их представлению, общество, свободное от частной собственности, имущественного и социального неравенства и угнетения⁴⁹. Однако в каждой такой утопии неизбежно просматривались контуры «казарменного» или «монастырского» социализма, в рамках которого люди были лишены свободы выбора, а общество оказывалось лишенным стимулов к развитию.

⁴⁶ Мюнцер учил, что «...все – общее, и каждому следует выделить поровну столько, сколько необходимо для удовлетворения его нужды. А если кто-либо из князей, графов или других господ воспротивится этому, то его нужно обезглавить или повесить». Однако на первых порах он не предлагал вводить полную общность имущества, а только отбирать имущество у феодалов, церкви и богачей, а отобранные богатства распределить среди членов общества.

⁴⁷ Впрочем, за примерами негативного влияния частной собственности на целые слои общества далеко ходить было не надо. Томас Мор, занимавший высший государственный пост в Англии, был свидетелем, как, по его выражению, «овцы пожрали людей». Это был период так называемых ранних огораживаний в Англии, в результате которых пашня превращалась в пастбища, некоторая часть английских общинников оказалась лишенной земли, многие из них превратились в бродяг. Это вызвало к жизни знаменитые и достаточно жестокие тюдоровские законы (но справедливости ради заметим, что английские короли всячески препятствовали такого рода огораживаниям и неоднократно издавали указы об их ограничениях и запретах).

⁴⁸ Полное название произведения, изданного в 1516 г.: «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии».

⁴⁹ Такое направление философской мысли, связанное с описанием идеального общества, как было указано в лекции 2, ведет свое начало от «Государства» Платона. В то же время в определенном смысле можно согласиться с мнением В. П. Илюшечкина (1996), что в создании утопии о справедливом устройстве общества нашел свое выражение рационализм. Действительно, общественная мысль выросла до возможности описывать проекты идеального общества в земной жизни.

Таблица 2

ФИЛОСОФЫ И ИСТОРИКИ ПОЗДНЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Автор	Даты	Страна	Название произведения
Фрэнсис Бэкон	1561–1626	Англия	«Новый Органон»
Франческо Патрици	1529–1597	Италия	«Десять диалогов об истории»
Жан Боден	1530–1596	Франция	«Метод легкого познания истории»
Иосиф Юстус Скалигер	1540–1609	Франция	«Новое сочинение об исправлении хронологии»
Себастьян Франк	1499–1542 (или 1543)	Германия	«Хроника, летопись и историческая библия»
Томас Мор	1478–1535	Англия	«Утопия»
Томмазо Кампанелла	1568–1639	Италия	«Город Солнца»

Рекомендуемая литература

Барг, М. А. 1987. *Эпохи и идеи. Становление историзма*. Гл. 5, 6. М.: Мысль.

Вайнштейн, О. Л. 1964. *Западноевропейская средневековая историография*. Гл. 6. М. – Л.: Наука.

Илюшечкин, В. П. 1996. *Теория стадийного развития общества. История и проблемы*. Гл. 1. М.: Вост. лит-ра.

Историография античной истории / под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1980. Гл. 1, § 4.

Историография истории нового времени стран Европы и Америки / под ред. И. П. Дементьева. М.: Высшая школа, 1990. Раздел 1 (введение, гл. 1).

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / под ред. И. С. Галкина и др. М.: МГУ, 1977. Раздел 1.

История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / под ред. Л. М. Брагиной. М.: Высшая школа, 1999. Гл. 2, 3, 6, 7, особенно разделы, посвященные развитию исторической мысли.

История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. Гл. 9, § 3, 5, 6. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.

Коллингвуд, Р. Дж. 1980. *Идея истории. Автобиография*. Ч. 2, § 4. М.: Наука.

Косминский, Е. А. 1963. *Историография средних веков: V в. – середина XIX в.* М.: МГУ.

Рассел, Б. 1994. *История западной философии*. Т. 2. Кн. 3. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.

Лекция 7. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ В XVII В.

XVII в. знаменуется, с одной стороны, важнейшими экономическими и политическими изменениями, а с другой – появлением новой философии и науки, вселившей веру в ее безграничные возможности⁵⁰. Все это оказало огромное влияние на развитие общественно-политической (и в меньшей степени исторической) мысли.

Рационализм в подходах и научные парадигмы века. Философия и наука XVII в. основывались на рационализме, то есть на принципах, что мир познаваем, что любое знание не должно приниматься на веру, а должно быть проверено разумом и логикой. Рационалистические взгляды стали преобладать и во взглядах на проблемы развития общества и государства. Общественные мыслители XVII в., с одной стороны, не имели еще достаточной исторической базы, чтобы строить свои выводы на ней, а с другой – находились под впечатлением успехов физики. Это привело к распространению натурфилософских взглядов на общество и его историю. Вполне естественно, что стала популярной идея уподобления общества механизму. Вот почему в ряде социальных теорий важное место занимали идеи так называемой «социальной физики», «социальной механики», «социальной геометрии» и т. п.

⁵⁰ Появились и новые формы организации науки, в том числе Академии наук. Уже с начала XVII в. большое распространение получили ученые сообщества, не связанные ни с какими сословными интересами и не признававшие никаких социальных перегородок. Университетские ученые алхимики, астрономы, инженеры, архитекторы, врачи сотрудничали с чиновниками и ремесленниками в целях приумножения знаний. Идея ученого сообщества возникла не только из потребности в защите от посягательств со стороны светских и церковных властей, но также из стремления к совместному поиску истины и исправлению общества посредством науки (см.: Балакин, В. Д. Ученое сообщество в Германии начала XVII века // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения / отв. ред. Л. С. Чиколкина. – М.: Наука, 1988. – С. 221–222).

Такой подход перенесения принципов механики на изучение общества получил позже название *механицизма*⁵¹. Логика философии социального механицизма упрощенно можно представить следующим образом: 1) законы общества в целом считаются подобными законам природы, особенно физики (мысль, принципиально сходная с античным подходом); 2) общество рассматривалось как простая сумма равновеликих единиц-индивидов; 3) основными силами, действующими в обществе, считалась совокупность форм волеизъявлений людей, которые иногда именовали «страстями»⁵²; 4) как и в механике, эти силы действуют лишь в двух направлениях – притяжения и отталкивания; 5) таким образом, свойства индивида имеет смысл взять в качестве первичных аксиом, из которых далее можно рационалистическим путем вывести законы⁵³; 6) а поскольку это будут универсальные законы, они позволят дать теорию общества; 7) если удастся понять законы общества, значит, можно будет перестроить его в соответствии с тем, что говорит теория о его наилучших формах⁵⁴. Понимая эту логику, гораздо легче понять и основные идеи социальных философов не только XVII в., но и следующего, XVIII в.

Политические теории XVII в. В XVII в. в европейских странах сложились централизованные государства, обозначились контуры той политической карты Европы, которая затем утвердилась на длительное время, и соответственно возросло значение международного права. Это был век революций и социальной борьбы,

⁵¹ Исходили из идеи: если универсальные законы естествознания позволяют правильно объяснить и успешно предсказать явления и процессы природы, то почему нельзя найти аналогичные закономерности в истории? А представления об универсуме, упрощенно говоря, были как о гигантском механизме, приводимом в движение сложной системой «пружин и балансиров».

⁵² Страсти (то есть желания, стремления, чувства и т. п.) людей клали в основу движущих сил развития общества и его законов философы последующих веков, в частности эти идеи были одними из главных в философии Ш. Фурье.

⁵³ Однако стоит вспомнить, что подобные механистические подходы – на более высоком уровне науки – были очень распространены в конце XIX – начале даже первой половины XX в. в социологии, когда социологи пытались найти «клеточку» общества, минимальное отношение в обществе и т. п., исходя из которого можно было бы открыть социологические законы, а с помощью последних удалось бы понять общество. Дискуссии о том, что является «клеточкой» общества, были характерны и для советской философии, причем еще в 1970-е и 1980-е гг. (см. анализ этих взглядов: Гринин, Л. Е. Формации и цивилизации. Раздел второй. Социология истории // Философия и общество. – 1997. – № 3. – С. 5–92).

⁵⁴ Разумность человеческой природы означала не только включенность человека в природу, его способность познать ее, но и способность регулировать свою и в конечном счете общественную жизнь согласно требованиям «естественных законов» (Барг 1987: 308).

которые потрясали государства. Поэтому общественная мысль была прикована к проблеме правильного устройства государства, сохранения в нем порядка, обеспечения нужного баланса интересов между государством и его подданными. Подобно гуманистам XVI в., политические мыслители XVII в. ставили вопрос о наилучшем устройстве общества, но при этом в целом придавали большее значение, чем их предшественники, политическим и особенно правовым институтам⁵⁵. Вот почему в XVII в. резко усилился интерес к природе государства и его правительства, его взаимоотношению с гражданами⁵⁶. Соответственно были подняты и вопросы о происхождении и эволюции государства и различных учреждений, и появились новые учения о государстве и праве.

На формирование политических теорий XVII в. сильно повлияло бурное развитие науки права в Европе, в том числе и в связи с развитием права собственности, технологии принятия законов⁵⁷, а также с усложнением международно-правовых и дипломатических отношений. Вот почему в основе многих теорий о государстве этого и последующего века лежит идея общественного *договора*⁵⁸.

Голландский правовед Г. Гроций (1583–1645) в своем знаменитом сочинении «О праве войны и мира» (1625) развил идею о том, что государство возникло на основе общественного договора между людьми в силу заложенного в них природой стремления жить в разумно организованном обществе⁵⁹. В этой же книге он разработал принципы государственного суверенитета и международного права, часть которых в будущем была положена в основу европейской международной (так называемой Вестфальской) системы. Но наиболее известная теория государства принадлежит английскому философу Т. Гоббсу (1588–1679). В 1651 г., осмыслив тяжелый

⁵⁵ Разумеется, имели место также утопические и уравнилельные идеи, особенно в связи с английской революцией, но их роль в общей палитре взглядов была меньше, чем век назад.

⁵⁶ Т. Гоббс считал, что преподавать гражданам учение о государстве необходимо для поддержания мира. Идея, вовсе не лишенная общественной разумности и сегодня.

⁵⁷ Довольно сложной, как в Англии с ее парламентом, так и во Франции с ее системой судебных (парламентских) процедур.

⁵⁸ При этом юриспруденция со времен Юстиниана представляла как наука вполне строгая и рациональная. Формы ее выражения и рассуждения (равно как и формы изложения философских идей) часто принимались за образец и для других общественных наук.

⁵⁹ Эта идея выдвигалась, как мы видели в лекции 2, и некоторыми древними авторами, например Лукрецием Каром.

опыт ожесточения революции и гражданской войны в Англии, он опубликовал книгу «Левиафан, или Материя, теория и власть государства церковного и гражданского», в которой представлял государство в образе библейского чудовища Левиафана. Отдавая дань механицизму, Т. Гоббс утверждал, что государство является «искусственным составным телом», а граждане – лишь частицы этого огромного «искусственного тела». Формулировка Гоббса о том, что до государства в обществе царила «война всех против всех», стала знаменитой. Общественный и исторический опыт братоубийственных войн в государстве привел Гоббса к заключению, что государство возникло в результате общественного договора с целью положить конец существовавшей до того разобщенности и вражде между людьми, оно призвано поддерживать мир и безопасность граждан. Гоббс фактически исходил из того, что «худой мир лучше доброй ссоры» и «из двух зол выбирают меньшее», поэтому утверждал, что граждане обязаны беспрекословно подчиняться воле государства, а оно в свою очередь обязано заботиться о благе народа⁶⁰.

Более взвешенную теорию взаимоотношения государства и общества (индивида) создал английский философ Джон Локк (1632–1704), который осуждал английскую революцию 1640–1660-х гг. как безумие (тут он был солидарен с Гоббсом), но всячески приветствовал так называемую «славную революцию» 1688 г., в результате которой в Англии бескровно был свергнут тиран Яков II и установлена конституционная монархия с достаточно сбалансированным разделением власти. Переживший опыт Реставрации Стюартов в Англии, их свержения и возникновения конституционной монархии, Локк пришел к выводу, что государственная власть обязана охранять такие «естественные права» людей, как их личная свобода и частная собственность, а если она не выполняет этих обязанностей, то народ вправе свергнуть ее и создать новое правительство. Несмотря на ограниченность вышеуказанных теорий о

⁶⁰ Под влиянием идей Г. Гроция и Т. Гоббса формируется и теория о государстве немецкого международного правоведа, историка и философа С. Пуфендорфа (1632–1694), который считал, что в основе возникновения государства лежат два договора: первый – между людьми об объединении и выборе формы правления, второй – между людьми и избранным ими правителем об обязанности подданных подчиняться власти и обязанности правителя заботиться о подданных в целях их пользы и безопасности.

государстве, они были важным шагом на пути формирования исторического взгляда на формирование важнейших институтов общества⁶¹.

Общественные законы и теория истории. Представление, что законы общества в принципе соответствуют законам механики при его неадекватности, тем не менее поставило перед политической и социальной философией новую очень крупную задачу: открыть общие законы, по которым протекает развитие общества. Само по себе представление о том, что общество функционирует по универсальным законам, что история – это не только рассказ о великих деяниях, а реализация этих законов, было весьма новым словом. И это закладывало возможность появления философии истории (которая и родилась в следующем веке). Фактически эта проблема стала одной из важнейших для философии и теории истории на следующие три века. Примитивизм механицизма вполне очевиден, поскольку общество не есть механический агрегат его членов, а является очень сложной системой, которая по своим свойствам далеко превосходит простую сумму ее составных частей, а границы изменения обществ во многом предопределены уровнем их развития и историческими особенностями. Однако более соответствующий реальности органический взгляд на общество как на достаточно слаженный организм, все части и функции которого пригнаны друг к другу, появится еще не скоро. Но у механицизма есть и заслуги: он был вполне прагматическим (= рационалистическим) подходом к исследованию общества. В чем рационалистам виделась основа законов общества? В неизменной природе человека⁶². Если удастся открыть естественные законы неизменной человеческой природы, то станут понятны и законы общества, а тогда общество можно перестроить согласно разумным критериям, соответ-

⁶¹ К слову сказать, проблема происхождения государства и сегодня остается крайне дискуссионной, существуют многие сотни различных дефиниций государства, несовпадающих между собой (см. подробнее: Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. – М.: КомКнига, 2010. – Гл. 1).

⁶² Как и в отношении многих других идей Нового времени, их неразвитые аналоги можно найти в античности, в частности на предположении о неизменной природе людей строил свои рассуждения Фукидид.

ствующим человеческой природе⁶³. Тема естественных законов человеческой природы будет оставаться одной из ведущих не только в этом веке, но и в философии истории следующего XVIII в. В процессе ее исследования появился целый ряд крупных теорий.

Научные и философские парадигмы XVII в. были не только механистическими, но и часто деистскими. Иными словами, наука могла многое объяснить с помощью открытых законов, но для объяснения источника движения вынуждена была прибегать к идее божественного первотолчка. Философия могла строить рационалистические схемы, но они далеко не всегда «работали» без идеи существования Бога. Вот почему появлялись рационалистические концепции общественного развития, которые способствовали преодолению взгляда на исторический процесс как на осуществление божественных предначертаний, но еще во многом были связаны с предшествующими историческими концепциями. Для объяснения вечных неизменных законов природы и общества Бог еще был нужен, но для объяснения, как эти законы «работают», можно было вполне обойтись без теизма. *Впрочем, наука и религия в Новое время нередко шли рука об руку.* Например, в XVII в. работу вышеупомянутого (в лекции 6) хронолога XVI в. И. Ю. Скалигера по исследованию различных календарных систем и приведению их к общему основанию в главном завершил выдающийся хронолог Дионисий Петавиус (Петавий) (1583–1652). Но стоит отметить, что Петавий были католическим ученым-богословом (а Скалигер – убежденным протестантом-гугенотом).

Теории естественного права и движущие силы истории. Идея естественного права, то есть права, проистекающего из неизменной природы людей и природных законов общества, активно использовалась для выведения принципов взаимоотношения между государством и индивидом, а также между государствами. Поиск естественных законов вел к продолжению процесса секуляризации истории. Поэтому неизбежно возникал вопрос о ее движущих силах, и такие факторы нужно было искать в образе жизни людей, их стремлениях, действиях, а также в общественных институтах. По-

⁶³ Таким образом, рационалисты строят принципы «социальной инженерии» уже не просто на представлениях о справедливости, но пытаются подвести под свои теории научную базу естественных законов.

нятно, что важной движущей силой в рамках механицизма выступали человеческие воли (страсти), которые в своих столкновениях вели к тем или иным изменениям, что соответственно при логическом развитии вело к признанию большой роли личности в истории. Но этой теме в XVII в. уделяли мало внимания, зато она стала важной в следующем, XVIII в. Были высказаны идеи и о других движущих силах. Т. Гоббс, Дж. Локк, а также Б. Спиноза и др., подобно Ф. Бэкону, считали науку орудием прогресса, но в отличие от Бэкона они большее внимание уделяли таким факторам развития общества, как политика, мораль, воспитание, искусства в широком смысле слова, а также развитие техники.

Таким образом, мы можем суммировать некоторые достижения и слабости общественно-политической и исторической мысли XVII в.

Достижения общественной мысли XVII в.:

1) Переход к «научному» исследованию общества с позиции открытия фундаментальных *научных* законов его функционирования, идея универсальности законов общества и человеческой природы.

2) Продвижение в области теории истории, включая формулирование новых, нетеологических движущих сил истории; идей направленного развития истории, хотя еще нечетко выраженных; углубление представлений о периодизации истории.

3) Разработка новых теорий происхождения государства и права, разработка исторического взгляда на формирование важнейших институтов общества (см. выше).

4) Попытки использования общественной науки для формирования общества. Впервые общественная мысль стала всерьез ставить вопрос рационального, основанного на научных подходах переустройства (реформирования) общества⁶⁴.

5) Создание предпосылок философии истории, поскольку проблематика, методология и философские теории XVII в. были

⁶⁴ Отметим, что в области международного права, выработки форм конституции, формирования государственной политики, в частности меркантилизма, и некоторых других общественная наука оказалась в некоторой мере вполне успешно примененной на практике. Попутно отметим, что идеи предшествующего века, в частности утопического социализма, не были основаны на научном (пусть и примитивном) подходе.

активно разработаны и развиты в эпоху Просвещения и были основой для создания философии истории.

Слабости общественной мысли XVII в.:

1) Неумение увидеть коренные различия в исследовании природы и общества.

2) Использование для исследования общества и его законов неадекватной и неэффективной теории механицизма, представление общества не системой, а механической суммой индивидов, что давало основание предполагать, что с обществом можно делать все, что кажется рациональным (а не только то, что позволяет уровень его развития и его особенности).

3) Неверность идей о так называемой человеческой природе. Непонимание ее историчности, вариативности и изменчивости в зависимости от исторического периода и общества.

4) Пренебрежение историей и поисками точных фактов. Действительно, при убеждении, что вечные и неизменные законы общества можно было вывести с помощью дедукции и рациональных посылок, стоило ли возиться с архивами, документами и т. п.? С другой стороны, рационалисты видели, что современная им история в большинстве своем представляет набор ничем не проверенных рассказов, нередко просто баснословных преданий. Поэтому понятно их пренебрежение (вплоть до отвращения, как, например, у Т. Гоббса) такой историей.

Эти слабости привели к довольно интересным последствиям, изложенным в следующем разделе.

Пути развития историографии и теоретической мысли об обществе и истории расходятся. До тех пор, пока история рассматривалась как особый вид литературы назидательного или развлекательного плана, пока строгому доказательству исторического факта и методике этого доказательства не придавали должного значения, история и теория (теология) истории были в целом единой областью. Косвенно это подтверждается уже тем, что только в сравнительно редких случаях люди, рассуждавшие на исторические темы, не писали сами историю (одним из любопытных примеров такого рода является Лукиан, написавший трактат «Как писать

историю»). Трещина между чистой историей и теорией возникла с периода раннего Возрождения, когда появилось движение антикваров, сосредоточивших свое внимание и острый ум на документах и предметах старины. Именно эти энтузиасты закладывают основы различных вспомогательных дисциплин и научных методов критического анализа исторических источников. В XVII в. окончательно обозначились два взгляда и источника развития знаний об обществе. Первый – общественно-политическая механистическая натурфилософия, которая создавала теории, мало прибегая к опоре на выверенные исторические знания⁶⁵; второй – историографы-археографы и эрудиты-антиквары, которые возились в архивах с документами, материальными предметами старины и работали над систематизацией новых знаний. В то же время продолжается развитие традиционной истории – истории, направленной на поучение читателя и его развитие, но далекой от истинной фактологической истории.

Между двумя новыми направлениями (условно назовем их философским и архивным) существовал определенный антагонизм, который продолжал нарастать в последующие века⁶⁶. Мыслители XVII в. редко цитируют источники, подчас сознательно не упоминают невыгодные им данные, а то и дополняют изложение своими

⁶⁵ Поскольку кроме дедуктивных методов существовали еще и методы индукции (выводов на основе наблюдаемых фактов), а в физике и других естественных науках наблюдения начинали базироваться на опытных (эмпирических) методах проверки истины, то к рационализму тесно примыкало и философское направление эмпиризма. Но оно было менее популярным.

⁶⁶ По формулировке Г. А. Антипова, возникло противоречие между историографией в том виде, как она реально развивалась, и теоретико-онтологическими разработками, призванными отразить механизмы исторического процесса. В теории истории, замечает он, можно было идти к выводам и теориям на основе тщательного изучения и отбора фактов (что повышало роль историографии) – и это было сравнительно новым подходом – или на основе философского (спекулятивного) дедуктивного метода, когда выводы делались исходя из неких логических принципов и априорных идей. Такое противоречие стало уже достаточно наглядным в исторической мысли XVII в. и затем все более обострялось (Антипов, Г. А. Историческое прошлое и пути его познания. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 26). Тут стоит добавить, что противоречия между так называемым историческим и логическим методами в философии и теории истории были одной из причин того, что историография в XIX в. полностью отделилась от философии истории, а в XX в. значительная часть историков стала полностью игнорировать любую теорию, утверждая, что им безразлично, есть ли законы в истории или нет.

домыслами. Философы и юристы XVII в. с презрением смотрели на это накопление материала, который им представлялся весьма сомнительным, заключающим в себе факты, не связанные между собой общей мыслью, общим законом. Конкретная история для этих мыслителей нередко представлялась бессмысленной путаницей, в которой сложно отличить правду от лжи и вовсе немислимо найти общую ведущую линию. Этому накоплению материала они предпочитали чисто дедуктивные приемы, черпали свои аргументы главным образом из общих соображений рационалистического характера (см.: Косминский 1963: 119, 153–154, 165). Эрудиты и антиквары, благодаря своим ученым занятиям по кусочкам восстанавливавшие прошлое различных стран и периодов, в то же время, как правило, не задавались трудом сделать из своих накопленных знаний теоретические выводы.

Расширение источниковедческой базы и развитие критических методов анализа в XVII в. были в большой степени связаны с тем, что ученые-историки развернули источниковедческие изыскания в богатейших архивах духовных и светских учреждений и лиц. Началась регулярная обработка, а затем и публикация обширных серий средневековых документов, что сделало их доступными для изучения. В результате распространилась практика цитирования подлинных документов, прежде всего, конечно, в трудах ученых эрудитов. Особую роль в публикациях массы этих документов сыграли общества-публикаторы религиозных орденов бенедиктинцев во Франции и иезуитов в Антверпене (издания, предпринятые *болландистами, мавристами*⁶⁷, Э. Балюзом и др.). Они ставили целью собрание документов по истории орденов, религиозных движений, житий святых и т. п. Эта деятельность объективно имела определенное научное значение, потому что способствовала совершенствованию частных методик источниковедческого анализа, так как при этом формировались методы установления подлинности документов, их аутентичности, сверки разных вариантов текстов и т. п.

⁶⁷ Первые назывались мавристами, так как в этой деятельности участвовали монахи конгрегации св. Мавра из ордена бенедиктинцев; вторые – болландистами, по имени своего главы Ж. Болланда.

прежде, чем они публиковались. Религиозные эрудиты издавали и руководства по датировке и установлению достоверности рукописей.

Развитие вспомогательных исторических дисциплин. Результатом введения в оборот огромного количества новых текстов явилось развитие таких вспомогательных исторических дисциплин, как дипломатика и палеография, а также появление обширных документальных публикаций, положивших начало археографии⁶⁸. Кроме того, собиратели древностей (антиквары XVI–XVII вв.) заложили основы для введения в оборот изучения неписанных источников (монет, древних надписей и особенностей писчего материала, печатей и т. п.). Это способствовало созданию базы археологии, хронологии, а также развитию таких вспомогательных исторических дисциплин, как *палеография*, *нумизматика*, *сфрагистика*. В XVII в. активно возникали научные общества и общества антикваров в частности. При этом, по словам Барга (1987: 16), новые методы, в особенности в дипломатике, вторглись в историческое источниковедение XVII в. не менее энергично, чем в естествознание.

Работа в области периодизации истории была в последней четверти XVII в. проделана немецким историком Кристофом Келлером (Х. Целлариусом) (1638–1707). Келлер развил идеи эпохи Возрождения о трех крупных эпохах истории западноевропейской истории древности, Средневековья и Нового времени. В течение 1685–1696 гг. он опубликовал три книги, объединенные названием «Трехчастная история», соответственно посвященные античной, средневековой и новой истории. Заслугой Келлера был переход от общей идеи гуманистов к практическому применению и углублению этого подхода, его систематизации и выработке хронологии периодизации. Его периодизация датировала конец древности кризисом Римской империи IV в. н. э., а Новое время – серединой или концом XV в. Эта периодизация все быстрее начинает заменять популярное в Средние века деление истории на четыре периода по времени существования четырех великих Империй. Она прочно

⁶⁸ См., например: Дьяков, В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. – М.: Мысль, 1974. – С. 21.

вошла в несколько измененном виде в историческую науку⁶⁹. Однако эта периодизация, во-первых, недостаточно научна, так как ее истоки лежат в идеях ранних гуманистов о возврате к наследию античности, во-вторых, она полностью европоцентрична⁷⁰, совершенно не учитывает особенности развития восточных стран, поэтому непригодна для истории Востока.

Трансформация теологической философии истории. XVII в., как известно, был временем контрреформации и инквизиции, которая боролась с научными идеями (наиболее известными фактами репрессий являются сожжение Дж. Бруно и вынужденное отречение Галилео Галилея). В то же время это был первый век, когда борьба теологической и антирелигиозной (научной) мысли шла с применением научных достижений с обеих сторон. Наиболее дальновидные церковные идеологи уже не могли не считаться с результатами научных наблюдений и открытий. Вот почему они активно использовали идею первотолчка (см. выше), трактуя ее в том провиденциалистском смысле, что уже «первым толчком» Бог predetermined все дальнейшее развитие мира согласно собственному замыслу. Такая трактовка указанной идеи содержалась, в частности, в книге епископа Ж. Б. Боссюэ (1627–1704) «Рассуждения о всемирной истории», в которой история представлялась в конечном

⁶⁹ Согласно келлеровскому делению, хронологическим рубежом между древней и средневековой историей стал фактический раздел Римской империи на Западную и Восточную в 324 г. н. э., а рубеж между средневековой и новой историей был приурочен им к падению Византии (Восточной Римской империи) под ударами турок в 1453 г. Впоследствии граница между древностью и Средневековьем была связана с падением Западной Римской империи в 476 г. А за рубеж между средневековой и новой историей было взято открытие Америки Колумбом в 1492 г. Современная историческая наука, как известно, вводит еще четвертый период – новейшей истории.

⁷⁰ Особенно европоцентричной, по мнению В. П. Илюшечкина (1996), она стала, когда в трехчленное деление западноевропейской истории ученые стали вкладывать иное содержание и идею прогрессивного развития общества, а самому этому делению был придан глобальный характер, что сделало его европоцентристским. Он указывает, что европоцентризм, зародившийся уже в концепции ранних гуманистов, в этот период находит свое развитие в трудах как рационалистски настроенных исследователей, так и религиозных историков, например в книге Ж. Б. Боссюэ. Такому подходу в немалой степени способствовало то важнейшее обстоятельство, что европейцы в военном, техническом и научном плане оказались впереди всех иных народов мира. Они также полагали себя наиболее культурными. Подобный прием сведения всемирной истории к истории некоторых народов Западной Европы получил в последующие века широкое распространение в исторической социологии.

счете осуществлением божественных предначертаний. Рассмотрение ее началось со «священной истории» иудейского народа, затем излагались события древнегреческой и древнеримской истории и, наконец, события западноевропейской средневековой истории до правления Карла Великого. В своих историософских трудах Боссюэ, однако, во многом заново осмыслил идею провиденциализма⁷¹. Боссюэ создал также политологические концепции, согласно которым государственная власть – способ обеспечить выживание человечества, находящегося во власти дурных наклонностей (следствие первородного греха). Тем самым он отходит от дуализма Августина.

Таблица 3

ФИЛОСОФЫ И ИСТОРИКИ XVII в.

Автор	Даты	Страна	Название произведения
Гуго Гроций	(1583–1645)	Нидерланды	«О праве войны и мира»
Томас Гоббс	(1588–1679)	Англия	«Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского»
Джон Локк	(1632–1704)	Англия	«Два трактата об управлении государством»
Христофор Целлариус (Кристоф Келлер)	(1638–1707)	Германия	«Трехчастная история»
Жак Бенинь Боссюэ	(1627–1704)	Франция	«Рассуждения о всемирной истории»

Рекомендуемая литература

⁷¹ Отметим, однако, что идея божественного провиденциализма в XVII в. еще далеко не отжила свое, она достигла своего апогея, пожалуй, только в концепции Гегеля, после чего стала менее популярной, трансформировавшись в нерелигиозный провиденциализм.

Барг, М. А. 1987. *Эпохи и идеи: Становление историзма*. Гл. 5, 6. М.: Мысль.

Биск, И. 1983. *История исторической мысли в новое время*. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та.

Илюшечкин, В. П. 1996. *Теория стадийного развития общества: История и проблемы*. Гл. 1. М.: Вост. лит-ра.

Историография истории нового времени стран Европы и Америки / под ред. И. П. Дементьева. М.: Высшая школа, 1990. Раздел 1 (введение, гл. 1, 2).

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / под ред. И. С. Галкина и др. М.: МГУ, 1977. Раздел 1.

История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. Гл. 10. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.

Коллингвуд, Р. Дж. 1980. *Идея истории. Автобиография*. Ч. 2, § 5, 6. М.: Наука.

Косминский, Е. А. 1963. *Историография средних веков: V в. – середина XIX в.* М.: МГУ.

Рассел, Б. 1994. *История западной философии*. Т. II., Кн. 3, Ч. 1. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.

Репина, Л. П., Зверева, В. В., Парамонова, М. Ю. 2004. *История исторического знания*. Гл. 5. М.: Дрофа.